

Права человека и основные свободы на примере Конституции Финляндии

Киммо Нуотио

профессор уголовного права, Университет г. Хельсинки, Финляндия; kimmo.nuotio@helsinki.fi

АННОТАЦИЯ

В статье автор описывает историю становления конституционного законодательства Финляндии, в частности, отмечает ключевые события и участников процесса становления конституционализма в стране, описывает структуру системы контроля за соответствием принимаемых законов конституции, которая действует в Финляндии. Особое значение в статье занимает описание развития института основных прав и свобод человека, формы закрепления их в законодательстве, а также в области обычного права. Автор подчеркивает важную роль положений конституции, не только как гарантирующих реализацию прав и свобод, но и как дающих ориентир для последующего развития законодательного регулирования отдельных сфер общественных отношений, в частности, на примере прав на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: конституция Финляндии, основные права и свободы человека, конституционализм, нео-конституционализм

Human Rights and Fundamental Freedoms as the Basis of the Finnish Constitution

Kimmo Nuotio

Professor of Criminal Law, Supervisor for Doctoral Programme, Doctoral Programme in Law, University of Helsinki, Finland; kimmo.nuotio@helsinki.fi

ABSTRACT

In the article, the author describes the history of the formation of constitutional legislation in Finland and, in particular, notes the key events and participants in the process of constitutionalism in the country. The author describes the Finnish arrangement for monitoring that the adopted laws comply with the Finnish constitution and its provisions of fundamental rights as well as the human rights obligations of Finland. Of particular importance in the article is the description of the development of the institution of fundamental human rights and freedoms, their form of consolidation in the legislation, as well as the shrinking role of customary law. The author emphasizes the important role of the provisions of the Constitution not only in guaranteeing the realization of rights and freedoms, but also in providing guidance for the subsequent development of legislative regulation on various fields of law, including the rights and duties relating to providing of a healthy environment.

Keywords: Constitution of Finland, fundamental human rights and freedoms, constitutionalism, neo-constitutionalism

1. От Шведской конституции через законодательство Российской империи к Конституции независимой Республики Финляндии

По сравнению с Россией история Конституции и конституционного права Финляндии не такая драматичная, даже несмотря на то, что политическая история может свидетельствовать об обратном. Точнее, прежние шведские конституционные законы составили основу правового регулирования Финляндии даже в течение периода после Наполеоновских войн, когда Финляндия вошла в состав России в 1809 г. Широко критикуемый шведский конституционный закон того времени давал правителю почти абсолютные полномочия, что в данном случае было выгодным для Финляндии, поскольку в противном случае новый правитель, Россия, не мог бы предоставить Финляндии автономию в юридическом плане. Шведская конституция была реформирована в 1809 г., в то время как в Финляндии еще более ста лет действовала шведская конституция в исходной редакции до проведения конституционной реформы¹. Старые шведские конституционные акты нельзя было назвать «просвещенными», они не имели в своей основе идей разделения властей или

¹ *Paavo Kastari*. Suomen valtiosääntö, SLY, 1977, p. 41–42. Правовая и политическая история периода 1809–1917 гг. интенсивно изучается, и в настоящей статье мы будем опираться лишь на некоторые из этих работ. В области политической истории см.: *Osmo Jussila*. Suomen suuriruhtinaskunta. WSOY 2004. По истории конституционного права см., например: *Antero Jyränki*. Lakien laki, Lakimiesliiton kustannus 1989. Историю основных гражданских прав в указанный период см.: *Veli-Pekka Viljanen*. Kansalaisten yleiset oikeudet. Tutkimus suomalaisen perusoikeuskäsityksen muotoutumisesta autonomiakaudella ja itsenäisyyden ensi vuosina. 2. uudistettu painos. Lakimiesliiton kustannus 1988. Работа по конституционному праву Финляндии, см.: *Jaakko Husa*. The Constitution of Finland. A contextual analysis. Hart 2011.

суверенитета народа. В этот период действия шведских норм признаваемая концепция права все еще оставалась в большей части не соответствующей современным требованиям, а правовая система была непрофессиональной, как и юридическое образование не было в достаточной степени развитым, и большинство судей не имели правового образования.

Период Просвещения поднял вопросы реализации прав на самоопределение, но потребовалось значительное время, прежде чем сформировался современный взгляд на конституцию. Одной из линий развития правового регулирования было конституционалистское прочтение старой шведской конституции, особенно к концу XIX в. Однако существовала некоторая искусственность в данном вопросе, так как в отношениях между королем и условиями действовала старая шведская конституция, и точка зрения отдельного человека в основном не имела значения². Как бы то ни было, лишь в наши дни возникла идея о том, что частью конституции являются права личности, создающие обязанности также (и прежде всего) для государственной власти³.

Первая Конституция независимой Республики Финляндии (утвержденная постановлением Правительства в 1919 г. вместе с пакетом других конституционных актов) заложила устойчивую основу либерального правового порядка в Финляндии. Как уже упоминалось, современный финский конституционализм восходит к старому шведскому законодательству, но для достижения прочной конституционной основы потребовался долгий период формирования.

В то же время закрепленные права долгое время были слабо реализуемыми. Так, еще в 1774 г. шведским законодательством формально было закреплено право свободы прессы, однако с вхождением Финляндии в состав Российской империи были изданы предписания, значительно ограничившие данное право. Позднее была создана национальная система цензуры, регулировавшаяся, в частности, указом 1829 г.⁴ В течение XIX в. в Финляндии основной критике подвергалась политическая цензура, тогда как все еще считалось вполне естественным, что сами свободы могут быть ограничены, например, путем наказания за использование определенным образом права на свободу слова.

После пятилетнего периода *стабильности*, в 1863 г., Александр II постановил вновь созвать Законодательное собрание, а в 1866 г. был принят новый акт о свободе прессы. Этот акт завершил практику цензурирования прессы, но оставил возможность *ex post facto* контроля за публикациями. Криминализация эффективно ограничивала осуществление этих прав. Взлеты и падения свободы прессы в Финляндии продолжались до конца Российской империи и Октябрьской революции, а в какой-то степени даже после обретения Финляндией независимости.

Законодательная ситуация в данной сфере может быть проиллюстрирована на примере права на свободу выбора рода деятельности, понимаемую как беспрепятственную возможность свободно осуществлять любую, в том числе предпринимательскую деятельность, а также распоряжаться своим имуществом и способностями, включая способность к труду (*freedom of trade*). Традиционно — и Финляндия здесь не представляла исключения — купцы и ремесленники были организованы в гильдии, которые осуществляли управление ими. На протяжении всего XIX в., и особенно в 1840-х гг., такая система подверглась критике в пользу свободного распоряжения способностью к труду. Й. В. Снелльман был одним из критиков, который заявлял, что система гильдий является вредной, так как защищает меньшинство ремесленников, оставляя большинство из них в бедности. Данная система привела к возникновению дефицита и необходимости импорта продукции для его покрытия. Й. В. Снелльман также требовал отменить запрет на продажу земли, поскольку он тормозил индустриальное развитие⁵.

Только после начала проведения Александром II в России либеральных реформ, направленных на превращение России в правовое государство, прогресс в отношении свободы торговли стал возможен и в Финляндии. Кроме того, изменения на международном рынке создали возможность экспортировать больше продуктов лесной промышленности, но регулирование торговых отношений препятствовало в полной мере реализации данных возможностей. Александр II был осведомлен о существующих трудностях и планировал проведение либеральных реформ⁶. Большая часть этих реформ создавала основу для развития рыночной экономики. Для финской экономики особенное значение имела либерализация лесной промышленности. Право на свободу предпринимательства было реализовано, хотя и не в полной мере.

² Viljanen. 1988, p. 42–43.

³ Kastari. Ibid. P. 335.

⁴ См. Riku Neuvonen. Sananvapauden historia Suomessa. Gaudeamus 2018, p. 98–112.

⁵ Jukka Kekkonen. Merkantilismista liberalismiin. Suomalainen lakimiesyhdistys 1987, p. 31–37.

⁶ Kekkonen. Ibid. P. 44–46.

Стоит отметить, что в «старом мире», в котором общество было организовано в гильдиях и сословиях, становление новых либеральных буржуазных прав требовало ограничения или отмены прежних привилегий. Консерваторы больше радели за сохранение привилегий, чем боролись за проведение реформ. Либеральные реформы означали значительный прогресс, поскольку рабочая сила была освобождена от административного контроля, а бедные, например, получили право переехать в другой муниципалитет. Как следствие, стал менее пристальным контроль за свободой перемещения и выбора места жительства⁷.

Лишь в 1870–1880-х гг. в работах Леопольда Мехелина и Роберта Хермансона был введен в оборот термин «основные права». Он также получил свое формальное закрепление в актах, принимавшихся Законодательным собранием. К числу основных прав были отнесены право на защиту от незаконного задержания, право на получение доступа к компетентному суду, который определен законом, и право на покупку земли⁸.

Прежние шведско-финские законы не содержали полного перечня личных прав и свобод человека. Однако правовая традиция признания таких прав уже складывалась в течение веков, что подтверждается положениями законодательства, которое в большей или меньшей степени признавало существование таких прав. Потребовалось немалое время для признания системы таких прав законодательством Российской империи, в состав которой входила и Финляндия. В этом отношении знаковым стало принятие Основных законов Российской империи 1906 г., конституционного акта, гарантировавшего свободу слова, свободу собраний и объединений⁹. В 1899–1905 и 1908–1917 гг. российские власти предпринимали неоднократные попытки русифицировать Финляндию, ликвидировав самобытность ее конституционного уклада.

Российская революция привела к возникновению Советского Союза, обретению Финляндии независимости в 1917 г. и принятию новой Конституции Финляндии в 1919 г. Конституция 1919 г. не отрывалась от традиций, а скорее, наоборот, явилась результатом длительного исторического развития. Никакие из ранее закрепленных прав исключены не были, но были добавлены новые, а некоторые ранее закрепленные права были переформулированы и приведены в соответствие с потребностями и идеалами современного общества. В частности, получили конституционное признание многие права, ранее существовавшие в обычном праве, заметно было и определенное влияние иностранного права.

Конституция 1919 г. устанавливала, что Финляндия является республикой и верховная власть принадлежит народу, который представлен в лице демократически избранного Парламента. Законодательная власть осуществляется совместно Парламентом и Президентом республики. Высшая исполнительная власть принадлежит Президенту, но, кроме того, существует правительство, состоящее из министров. Судебная власть предоставляется судебной системе во главе с Верховным судом и Верховным административным судом [согласно § 2 Конституции Финляндии 1919 г. — Прим. ред.]. Основные властные полномочия на фоне кровопролитной Гражданской войны 1918 г. были сконцентрированы в руках президента в таком объеме, что возникла идея о необходимости предоставления парламенту ведущей роли в управлении обществом.

В любом случае, Конституция 1919 г., вступившая в силу в 1922 г., положила начало установлению основ республиканского правления, а также закрепила перечень прав и свобод человека в качестве одного из главных разделов¹⁰. В конституционных нормах, касающихся основных прав и свобод человека, возможно, не содержалось ничего нового, но, учитывая время принятия, они были прогрессивными и даже оказали определенное влияние на последующее развитие всей правовой системы. Например, крайне значительным было закрепление свободы вероисповедания, что во многом определило дальнейшее правовое регулирование по данному вопросу.

Конституцией была закреплена свобода объединений, свобода слова, которая включала запрет на цензуру в отношении печатных средств массовой информации. Людям также было предоставлено право на свободу собраний без получения предварительного разрешения властей. Гарантировалась защита частной собственности, что означало ее неприкосновенность и возможность изъятия имущества частных лиц исключительно на условиях полной компенсации его стоимости. Шведский и финский языки были признаны равнозначными. В Конституцию было включено положение о том, что в республике не будут присваиваться дворянские титулы.

⁷ Kekkonen. Ibid. P. 152–154.

⁸ Pekka Hallberg et al. Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSOYpro, Helsinki 2011, p. 32.

⁹ Esko Hakki. Suomen tasavallan perustuslait, WSOY 1939, p. 33–34.

¹⁰ См., например: Hallberg Pekka et al. Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSLT 2005.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие представлений о правах человека и определенный взгляд на роль, которую данные права играли в общественных отношениях, были частично связаны с историческими корнями происхождения этих прав, а также социальными и политическими дискуссиями, продиктованными особенностями общественного развития. Кроме того, работы государственного деятеля Йохана Вильгельма Снелльмана, вдохновленные Гегелем, представили систему прав, на которой предполагалось построить зрелое государство. В тот период финская правовая школа находилась под влиянием немецкого идеализма. Но все же большее значение имело развитие теории конституционного права, которое включало в себя детальные сравнительные исследования. В итоге в Финляндии сформировалось представление о современном конституционном устройстве и его важнейших элементах. Среди ученых, внесших вклад в рассмотрение указанной проблематики, особое место занимает Леопольд Мехелин, который был не только ученым, но и общественным деятелем, впервые поднявшим вопрос о необходимости закрепления гарантий прав граждан в соответствующем законодательстве¹¹.

Дискуссии и обсуждения сначала в Законодательном собрании, а затем, с 1906 г., в однопалатном Парламенте проложили путь к формированию национального финского подхода к устройству правовой системы. Либеральные реформы, которые разрушили традиционные формы правления, создав условия для формирования свободного рынка, были важны для формирования нового типа общественного порядка, который создал условия для демократической формы правления, основанной на системе равных прав. После того как в Гражданской войне в Финляндии коммунисты потерпели поражение, стало очевидно, что Конституция новой республики не должна базироваться на коммунистической идеологии.

Содержание Конституции было компромиссным, и после преодоления некоторых препятствий его можно было принять. Основным автором Конституции выступил профессор Каарло Юхо Стольберг, который впоследствии стал Президентом Финляндии. Сама Конституция имела долгую жизнь, поскольку ее содержание оставалось в силе почти столетие. Поправка, касающаяся нового билля о правах, была внесена в 1995 г., а новая Конституция вступила в силу в 2000 г.

Если мы вернемся к свободе прессы и свободе слова, то следует отметить, что эти свободы по-прежнему были несколько ограничены. В период вхождения Финляндии в состав России российские власти были обеспокоены влиянием Швеции, а позднее власти были озабочены наличием у финнов особых привилегий по сравнению с другими частями империи.

В 1920-х гг. издатели средств массовой информации выступали против публикации социал-демократических и социалистических материалов, а запрещенная Коммунистическая партия ушла в подполье. В 1920-х гг. активное развитие получило националистское Движение Лапуа в рамках Аграрного союза, которое избрало в качестве модели для подражания модель партийного устройства под руководством Муссолини в Италии, и в 1930 г. активисты этого движения незаконно уничтожили коммунистическую прессу в городе Васа. Несмотря на то, что члены Движения Лапуа готовы были идти до конца, используя любые средства, властям удалось переломить ситуацию, в полной мере восстановив законность и правопорядок.

Даже столь беглое рассмотрение некоторых элементов правовой реальности свидетельствует, что становление личных прав, таких как право на свободу слова и свободу самовыражения, прошло непростой путь через борьбу и ограничения. В первые годы основные права, закрепленные в Конституции, на самом деле не имели непосредственного применения, но они устанавливали требования и ограничения законодательной процедуры. Данная ситуация изменилась только в 1990 г.

Рассмотренный выше поучительный пример свидетельствует, что демократия и свобода слова являются взаимообусловленными понятиями, и ограничения свободы слова очевидно свидетельствуют о наличии проблем с демократией. Сегодня мы говорим о разжигании ненависти, как если бы это было новым явлением, забывая о том, что в условиях 1920-х и 1930-х гг. разжигание ненависти, в том числе на законодательном уровне, было в порядке вещей.

Конституция 1919 г. допускала принятие чрезвычайных законов, и эта возможность также широко использовалась [см. § 16 Конституции 1919 г. — Прим. ред.]. Она привнесла элемент гибкости в правовую систему, но также создала условия для нестабильности конституционных основ государственной структуры и правовой системы. В частности, сохранял свою силу ряд прежних привилегий, так что Конституция в полной мере не изменила ситуацию в указанном отношении.

Выше был дан краткий очерк становления и развития системы прав личности, а также системы гарантий этих прав. Данные процессы активизируются после Второй мировой войны также на международном уровне, особенно в рамках Организации Объединенных Наций. Принятая ООН

¹¹ Viljanen. P. 64.

Всеобщая декларация защиты прав человека (1948 г.) получила детализацию в таких международных актах, как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.).

Финляндия подписала и ратифицировала конвенции ООН по правам человека достаточно оперативно, что потребовало существенной работы по проведению правовых реформ в самой Финляндии. Финляндия также активно участвовала в сотрудничестве северных стран в области права и законодательства, имеющем давние корни, но ставшем политически весьма интенсивным в 1960-х и 1970-х гг. Финляндия также активно участвовала в деятельности Совета Европы, даже еще не будучи его членом. Только когда железный занавес рухнул, Финляндия присоединилась к Совету Европы и его Конвенции по правам человека, начав подготовку к вступлению в Европейский союз. Финляндия вошла в состав Европейского союза в 1995 г. одновременно со Швецией и Австрией.

Эти события были значительными в том смысле, что как Европейский союз, так и Совет Европы имели судебные органы [имеются в виду Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека. — Прим. ред.], игравшие особую «конститутивную» роль, интерпретируя законы в транснациональном контексте, но таким образом, что эта интерпретация обладала юридическим значением и для внутренней правовой системы Финляндии. Система ЕСПЧ была реорганизована в 1998 г., когда начал работу новый Суд.

Это конституционное развитие проложило путь к усилению роли судов не только в защите прав человека, но и в более широком смысле в расширении возможностей для неприменения обычных законов¹². В Финляндии это смещение баланса все еще было довольно умеренным.

Билль о правах во второй главе Конституции не соответствовал современным условиям и не отражал потребности общества и действующего законодательства. Социальные движения, активизировавшиеся во всем западном мире, требовали лучшей защиты прав и более эффективного ограничения использования государственной власти. В Финляндии к тому моменту накопилось много проблем в сфере социального обеспечения, в решении которых Финляндия, возможно, отставала от других стран Северной Европы.

Социальные, экономические и культурные права приобрели значимость по мере становления общества всеобщего благосостояния и социального государства. Баланс между государством и личностью нарушился, и начались реформы с целью предоставления прав новым группам, таким как военнослужащие, заключенные, пациенты в психиатрических больницах. Все эти решения не могли больше оставаться в руках исключительно чиновников, став предметом широкого обсуждения. Представители школы критических социальных и правовых исследований в своих работах поставили под сомнение идею «административной власти» как оправдания ограничения прав человека в пенитенциарных, медицинских и иных закрытых учреждениях.

В 1970-х гг. права человека во многих сферах получили свое закрепление на уровне законодательства, в том числе путем принятия новых законов, таких как законы о защите прав потребителей. Однако изменения в области конституционного законодательства потребовали большего времени. Подготовка конституционной реформы заняла еще пару десятилетий.

Представляется, что такая задержка была скорее полезна. Дело в том, что реформировать Конституцию и заново сформулировать положения об основных правах проще в условиях, когда, по крайней мере, некоторые из таких положений уже содержатся в отраслевом законодательстве, а не создаются с чистого листа. В противном случае прогрессивная и ориентированная на будущее роль Билля о правах может и не воплотиться в реальности, оставив людей разочарованными, если некоторые из провозглашенных Конституцией прав окажутся чисто декларативными. Иными словами, проводить конституционную реформу проще в условиях фактической реализации прав. По крайней мере, что касается Финляндии, реформирование отраслевого законодательства, проложившее путь конституционной реформе, оказалось предпочтительнее излишне энергичного изменения текста Основного закона. Изменение отраслевых законов создало условия для проведения конституционной реформы, которая, в свою очередь, стимулировала дальнейшее реформирование отраслевого законодательства. Таким образом, в течение последних десятилетий мы получили позитивный опыт диалектического взаимодействия этих параллельно идущих процессов.

В качестве примера можно привести положение § 20 Конституции 2000 г., касающееся защиты окружающей среды. Параграф состоит из двух частей, первая из которых закрепляет обязанность защищать окружающую среду. И таким образом, говоря юридическим языком, вместо общей нормы, снабженной средствами государственной защиты, данное положение устанавливает обязанность каждого защищать окружающую среду. Вторая часть данного параграфа предусма-

¹² Jääskinen Niilo. Eurooppalaistuvan oikeuden oikeusteoreettisia ongelmia. Yliopistopaino, Helsinki 2008.

тривает обязанность публичной власти обеспечить для каждого право на здоровую окружающую среду, как и возможность граждан влиять на принятие решений в отношении вопросов, касающихся окружающей среды. В результате мы видим, что данное положение определенным образом определяет основные задачи развития законодательства по охране окружающей среды. Таким образом, создание институциональных структур и регулятивных механизмов, необходимых для защиты окружающей среды, выступает необходимой предпосылкой решения указанных задач. Начиная с 1980 г. закон об охране окружающей среды быстро изменялся. В итоге внесение нового положения в Конституцию не было началом развития законодательного регулирования защиты окружающей среды, но оно усилило и придало новый толчок совершенствованию и применению ранее принятых законов. Это положение Конституции, с одной стороны, символично, а с другой, указывает ориентиры для органов власти.

2. Конституция Финляндии и защита прав человека в 2020 г.

Теперь, после этих очень кратких замечаний и обзора событий, касающихся исторических предпосылок защиты основных прав и свобод в Финляндии, обратимся к текущей ситуации в данной сфере. В предыдущие годы Республика Финляндия отмечала столетние юбилеи своего провозглашения в 1917 г., принятия Конституции 1919 г., а также учреждения Верховного суда и Верховного административного суда в том же 1919 г. Даже если само по себе 100-летие не столь важное событие, наступление такой даты зачастую заставляет оглянуться назад и попытаться подвести итоги.

За истекшие сто лет произошел прорыв в общественном развитии Финляндии. Бедная страна превратилась в одну из самых прогрессивных индустриально развитых стран в мире. Право, безусловно, являлось одним из факторов этого прогресса. При этом правовая культура сохраняла некоторые свои исторически сложившиеся особенности, такие как правовые культурные связи с другими странами Северной Европы. Значение правового регулирования северных стран особенно выросло после Второй мировой войны.

Особенность северных стран состоит в том, что в них отсутствуют специализированные конституционные суды, а проверка законов на предмет их конституционности осуществляется иными способами. Различия между правовыми системами северных стран весьма существенны. Но общее в том, что решениям Парламента придается большое значение, а роль судов менее значима. В Норвегии Верховный суд имеет большее значение по сравнению с другими северными странами¹³.

В Финляндии применяется способ контроля принимаемых законов на предмет соответствия Конституции, а именно контроль осуществляется специальным комитетом, Комитетом по конституционному праву, который на протяжении многих лет играл очень важную роль. Этот комитет является структурным подразделением Парламента и состоит из политиков, как и другие комитеты Парламента. Основная идея такого способа контроля заключается в том, что проверка отраслевых законов на предмет их конституционности осуществляется политической структурой, которая является частью национального Парламента. Но тем не менее особая роль этого комитета со временем выросла так, что фактически он играет квазисудебную роль. Он не только оценивает соответствие законопроекта Конституции, но также интерпретирует обязательства Финляндии в области прав человека и основных свобод и оценивает достоинства и недостатки законопроекта в этом отношении.

Комитет по конституционному праву со временем приобрел важное значение, что явилось результатом исторических событий, связанных с Парламентом, произошедших столетие назад. В прежние времена эта роль не была видна в букве Конституции, но в самой последней реформе Конституции 2000 г. она была четко регламентирована. В результате Комитет по конституционному праву занял уникальную позицию в качестве квазисудебного органа, являющегося в то же время частью Парламента. Контроль *ex ante* за соответствием принимаемых законов Конституции, реализуемый данным Комитетом, с одной стороны, не ослабляет роль Парламента, а, учитывая высокий авторитет мнения данного Комитета, усиливает роль как Парламента, так и Конституции в рамках правовой системы государства¹⁴. Даже доктрина правовых источников, в которой признается значение подготовительных работ по разработке законов при их толковании, свиде-

¹³ См.: Jaakko Husa. Constitutional Mentality, in Pia Letto-Vanamo, Ditlev Tamm, Bent Ole Mortensen (Ed.s), Nordic Law in European Context. Springer 2019, p. 41–60, at p. 53.

¹⁴ См.: Antero Jyränki. Valtiosta valtaan. Valtiosääntöoikeuden yleisiä kysymyksiä. 3. painos, Talentum 2003, p. 393–414.

тельствует о главенствующей роли законодательной власти в формировании правовой культуры и одновременно служит признанием того факта, что прецеденты Верховного суда не имеют обязательной юридической силы.

Позиция Комитета по конституционному законодательству признается как обязательная другими органами Парламента, и его мнение имеет наивысший авторитет в рамках всей правовой системы и ее многочисленных институтов. Комитет привлекает экспертов, как правило, экспертов по конституционному праву, и, таким образом, он на протяжении многих лет заработал особый авторитет в вопросах, относящихся к области конституционализма. Заключение Комитета публикуются в электронном виде в информационной базе Парламента, и с ними можно легко ознакомиться.

Система *ex ante* контроля активно развивалась. Так, еще в 1980-х гг. Комитет по конституционному праву давал достаточно редкие заключения в основном в уголовно-правовой сфере. С тех пор роль Комитета значительно выросла, и сейчас представление Комитетом заключений является обычной практикой. Комитет, например, давал заключения о принципах криминализации с указанием определенных требований, которые необходимо выполнить, чтобы обеспечить возможность применения уголовно-правовых норм. Такая доктрина довольно эффективно создает и ограничивает применение мер уголовного права и позволяет обеспечить определенный баланс уголовного и конституционного права. Отправная точка применения принципов криминализации состоит в том, что ограничение основных прав и свобод должно иметь основание, которое позволит правомерно применять уголовный закон. Соотношение между уголовным правом и основными правами человека приобрело взаимно обуславливающий характер с того момента, как государство стало выступать, с одной стороны, гарантом основных прав и свобод человека, а с другой — исполнять обязанности по криминализации нарушений прав¹⁵.

Данная доктрина, которая была сформулирована после внесения поправок в Конституцию Финляндии и введения в действие новой редакции Билля о правах, оказала влияние и в ситуации, когда Финляндия вынуждена была оперативно принимать закон о террористических преступлениях. Активное участие Комитета по конституционному праву способствовало тому, что законы и подзаконные акты соблюдались, а новые положения были скорректированы с учетом потребностей защиты основных прав и прав человека.

Когда в 1995 г. был принят новый Билль о правах, сам Комитет по конституционному праву подчеркнул, что в большинстве случаев суды должны толковать различные правовые положения таким образом, чтобы можно было избежать противоречия между буквой закона и основными правами. Положения Конституции, закрепляющие основные права человека в настоящее время, имеют прямое действие; еще одной новеллой стало применение аргументов, основанных на положениях Конституции, касающихся прав человека, непосредственно в судебных разбирательствах в решениях судов, что ранее было достаточно редко.

Новая идея заключалась в том, что любое противоречие, возникающее в ходе применения законов, может быть устранено путем интерпретации. Новая доктрина, которая сложилась и может помочь в таких случаях, называется «толкованием с позиции основных прав» (*fundamental rights-friendly interpretation*)¹⁶. Эта доктрина, в свою очередь, стала развитием ранее действовавшей доктрины толкования с позиции прав человека (*human rights-friendly interpretation*)¹⁷, которая была введена, когда соблюдение прецедентного права Страсбурга стало обязательством. В этом смысле задача состояла прежде всего не в том, чтобы подчеркнуть *приоритет* основных прав и свобод и противопоставить положения об основных правах нормам законов, а скорее в том, чтобы согласовать эти два источника права между собой. Осуществление *ex ante* контроля принимаемых законов на предмет их соответствия Конституции оказалось крайне полезным с тех пор, как такая проверка стала проводиться в рамках указанной доктрины «толкования с позиции основных прав» на основе подхода толкования действующего законодательства в свете положений Конституции, и такое толкование создало основу для судебного применения законодательства.

Активное толкование, осуществляемое Комитетом по конституционному законодательству, создает условия для того, чтобы не отказываться от применения законов или отменять законы по причине их несоответствия принципам защиты прав и свобод человека. В то же время в § 106 Конституции закреплено положение, которое говорит о том, что отказ от применения закона судом может быть только в случае, когда выявлено явное противоречие между положениями Конституции и соответствующего закона. Толкование законов с позиции основных прав решает проблемы

¹⁵ CLC, Report 25/1994, p. 4–6; CLC, Opinion 23/1997, p. 2–3.

¹⁶ CLC, Report 25/1994.

¹⁷ CLC, Opinion 2/1990.

правоприменения и показывает, что существующие противоречия не являются неустраимыми. Конечно, всегда остаются случаи, при которых подобный подход к интерпретации оказывается недостаточным.

Такие случаи достаточно редки, но все же встречаются. Пределы применения судебного контроля *ex post facto* в отношении законов на предмет их соответствия Конституции был установлен на более высоком уровне, на что и указывает использованный в Конституции термин «явное противоречие».

Примечательно в этом отношении недавно рассмотренное Апелляционным судом Хельсинки дело, в котором суд в усиленном составе путем голосования применил указанный § 106 Конституции в отношении жалобы мужчины, отказавшегося от прохождения как военной, так и альтернативной службы, сославшись на то, что у него есть основания по совести для такого выбора¹⁸.

Он не был членом религиозной организации свидетелей Иеговы [Решением Верховного Суда РФ от 20.04.2017 N АКПИ17-238 религиозная организация «Общество свидетелей Иеговы» ликвидирована в Российской Федерации в связи с ведением экстремистской деятельности. — Прим. ред.], для которой законом в Финляндии установлены специальные исключения по вопросу несения военной или гражданской службы, но требовал равного отношения к его вере.

Апелляционный суд Хельсинки поддержал аргументацию заявителя, согласно которой установление привилегированного положения по религиозному признаку для одной религиозной организации противоречит равенству всех перед законом, предусмотренным Конституцией. Правовые гарантии предоставления равной защиты прав по данному вопросу получили дополнительное подтверждение после того, как Комитет по конституционному законодательству в рамках *ex ante* контроля дал заключение по вопросу соответствия данного закона Конституции.

Решение Апелляционного суда Хельсинки не было анонимным, и меньшинство судей отметили, что поскольку Комитет по конституционному законодательству не высказал замечаний при принятии данного закона, то оснований для применения положений § 106 Конституции не имелось в данном деле. В данном случае важно, что обычно, когда Комитет высказывал свою позицию по какому-либо вопросу, суды не шли против мнения Комитета. Но в этом случае гарантии правовой и конституционной защиты против дискриминации были дополнительно усилены после того, как Комитет высказал свое мнение, которое было инициировано предоставлением судом правовой защиты заявителю.

Именно такие действия и ожидаются от судов. Судебное решение по данному делу, однако, было весьма революционным и привело к оперативному реформированию законодательства, которое до этого включало положения о предоставлении привилегий для свидетелей Иеговы [организация, признанная экстремистской и ликвидированная на территории РФ. — Прим. ред.]. В этом случае результат выразился не в том, что право на привилегии в отношении службы было признано универсальным, а, скорее, наоборот. Были выявлены основания для отмены такой привилегии для последователей конкретного религиозного течения, поскольку в настоящее время варианты исполнения гражданского долга службы стали более гибкими, и членам такой религиозной организации, как свидетели Иеговы, уже не грозило тюремное заключение за отказ от их выполнения.

Европейский закон о правах человека также становится все более заметным в прецедентном праве финских судов. В соответствии с информационной базой судебных решений FINLEX Верховным судом Финляндии принято около 300 решений, в которых суд ссылается на Европейскую конвенцию по правам человека. Существует целый ряд важных тем, которые были затронуты, и финские суды анализировали возможности правоприменения таким образом, чтобы при национальном применении закона был обеспечен минимальный европейский стандарт защиты прав человека. В Финляндии существуют специфические проблемы, связанные с такими вопросами, как запрещение *ne bis in idem* (запрет повторного наказания за одно правонарушение), слишком длительные судебные разбирательства и некоторые аспекты реализации права на свободу слова.

В 2019 г. Финляндия была впервые обвинена Страсбургским судом в нарушении прав человека в связи с высылкой беженца в Ирак, несмотря на то что он уже сталкивался там с определенными угрозами в качестве бывшего правительственного чиновника. Вскоре после высылки этот человек был убит. Финляндия была признана виновной в нарушении статьи 2 и статьи 3 Европейской конвенции по правам человека¹⁹.

¹⁸ Helsinki Court of Appeal, 23.2.2018, 108226 (2018:4).

¹⁹ Case N. A. v. Finland (Application no. 25244/18), November 14, 2019. Национальное Бюро расследований Финляндии, однако, неожиданно объявило 22 апреля 2020 г., что документы, представленные в рамках дела, возможно, были фальсифицированы и экстрадированный человек в действительности все еще жив.

В течение последних 30 лет сформировалась правовая культура Финляндии, аспектом которой является восприятие прав и свобод человека. Финляндия стала частью широкого процесса, который нередко называют *новым конституционализмом*. Суды научились оправдывать ожидания в том, что они должны соответствующим образом защищать человека даже в ситуации, которая явно не предусмотрена законодательством. На практике встречались случаи, когда требуемые средства защиты не были предусмотрены законом, но тогда ситуация разрешалась с отсылкой на положения § 106 Конституции.

На мой взгляд, применение принципов толкования законов с позиции прав человека и с позиции основных прав стало также возможным в связи с ростом осознания важности этих институтов судами начиная с 1970-х гг., а также повышенных ожиданий от судов справедливых решений в соответствии с потребностями общества в целом. Необходимость обоснования судами принимаемых ими решений значительно выросла с развитием общества, когда действия властей стали встречать открытое обсуждение и критику. Единственным способом в такой ситуации поддержать доверие общества к власти было повысить профессионализм судов и качество мотивации судебных решений. Правовые теоретические дискуссии и теории внесли свой вклад в развитие (права). Новаторскими в Финляндии стали работы Аулиса Аарнио²⁰.

В 1980 г. Верховный суд Финляндии был преобразован в суд, который создает судебные прецеденты, что позволило ему в своих решениях представлять примеры того, как следует обосновывать судебные решения. Решения Верховного суда в строгом смысле не считались прецедентами, обязательными для применения другими судами, поскольку прецедентное право не признавалось прямым источником права. В результате авторитет решений Верховного суда в большей степени был обусловлен высокой оценкой качества его работы. Постоянное совершенствование мотивировочной части этих решений способствовало тому, что они приобрели, если можно так выразиться, фактическую нормотворческую силу.

С 1990-х гг. с решениями Верховного суда, как и с другими правовыми источниками стало возможно ознакомиться онлайн, что сделало доступным эти прецеденты как для юристов, так и для широкой общественности. Портал FINLEX стал одним из первых подобных правовых ресурсов в мире. Таким образом, можно увидеть, как параллельно шли несколько процессов, как развитие неоконституционализма, так и растущее признание приоритетности прав человека были частью процесса открытой дискуссии. Новый способ преодоления напряженности в сфере правоприменения привел к тому, что формальные иерархические структуры правопорядка не несли слишком большой нагрузки благодаря отчетливому переносу центра тяжести в правотворческой и правоприменительной деятельности на надлежащим образом мотивированные решения высших судебных органов.

Интерпретативной деятельности судов способствовало то обстоятельство, что акторы всех нормативных регионов правовой реальности оперировали более или менее общими релевантностями, говоря примерно на одном языке. Так, с тех пор как свобода слова получила признание на различных уровнях, будь то на уровне Конституции, или уровне отраслевых законов, или на уровне Европейской конвенции по правам человека, уже не возникало затруднений, связанных с противоречием между нормами, применяемыми на каждом из таких уровней.

Если мы затронем текущие проблемы разжигания расовой и иных видов вражды и ненависти, то совершенно очевидно, что прецедентное право Страсбургского суда обеспечивает центральную точку отсчета в регулировании данных проблем, но финские суды и финские ученые, конечно же, также будут учитывать специфические обстоятельства, которые в некотором смысле отличают Финляндию от ситуации в других странах. Например, в Финляндии отсутствует законодательство об осуждении Холокоста или о запрете использования нацистской символики. В то же время использование нацистских флагов, например, на собраниях может быть наказуемо, как возбуждающее ненависть. Финские суды недавно также столкнулись с новым типом дел в связи с тем, что правительство потребовало запретить деятельность Северного движения сопротивления из-за его откровенно расистских взглядов. Апелляционная жалоба находится на рассмотрении в Верховном суде, и в настоящее время этот запрет временно исполняется.

В рамках одной работы невозможно дать полную оценку значения принципов прав человека и основных прав в формировании единого общеевропейского права, действующего на территории Евросоюза. В любом случае необходимо признать усиление роли этих принципов в правовой системе ЕС. Данный процесс не был достаточно простым и линейным, но в любом случае мы можем видеть, что права человека приобрели большую значимость, а законодательство ЕС вышло на

²⁰ См.: Aarnio Aulis. The Rational as Reasonable. A Treatise on Legal Justification. Kluwer, 1986.

новый уровень. Например, для создания ЕС в качестве зоны свободы, безопасности и справедливости было очень важно, чтобы ЕС одновременно, укрепляя свою роль в противодействии угрозам безопасности, также принимал основные европейские ценности. Разработка Хартии основных прав Европейского союза была определенной вехой в этом процессе. Судебная палата Европейского союза в рамках создаваемого ей прецедентного права утвердила значение прав человека, включая основные права и свободы, в качестве базовых принципов права ЕС²¹. Лиссабонский договор [Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 г. — Прим. ред.] предусматривает, что юрисдикция ЕСПЧ распространяется на территорию Европейского союза, но при этом возникают как технические затруднения, так и препятствия более принципиального свойства²².

Очевидна тенденция настоящего времени в повышении роли прав человека в правовой культуре Финляндии по сравнению с предыдущим периодом. Но новый этап развития (этих институтов) не изменил основ правовой культуры. Парламент и законодательство все еще сохраняют присущие им сильные позиции. Становление развитой демократической политической и правовой культуры, в которой политическая законодательная власть и законодательство, как ее продукт, выступает в качестве центрального и наиболее законного источника правового управления обществом, может сочетаться с правовой культурой, в которой права личности лежат в основе правопорядка.

Доктрина неконституционализма проявляет себя в правовой системе Финляндии новым пониманием того, как акторы видят свое место в правовой системе. Неконституционалистское движение можно рассматривать как важную часть созревания и углубления конституционного правопорядка государства. В отличие от некоторых других стран, для Финляндии развитие по пути прогресса не стало поводом для того, чтобы дистанцироваться от предшествующих исторических традиций²³.

В финской модели оказалось возможным построить всю систему таким образом, чтобы различные источники легитимности способствовали общей легитимности правовой системы. Финская модель конституционного правопорядка и государства предусматривает в этом отношении эффективный *предварительный* контроль за конституционностью обычного законодательства, а также работу действующих судов, которые должны обеспечивать соблюдение прав человека и основных свобод, если правопорядок не сможет иначе обеспечить их полноценную юридическую защиту. Цель создания условий для всесторонней реализации прав человека, в том числе основных прав и свобод, разделяется всеми институтами публичной власти. Непосредственно в Конституции, в статье 22, установлено, что публичная власть должна обеспечивать всестороннюю имплементацию и реализацию основных прав и свобод человека.

Также необходимо отметить, что в финском законодательстве все еще признаются определенные права, которые, по сути, продолжают основываться на обычном праве или, иначе говоря, регулируются лишь частично законом. Например, можно упомянуть в этом отношении так называемые всеобщие права, которые рассматриваются в качестве внешнего ограничения правомочий собственников земельных участков. Когда шла подготовка Билля о правах Конституции Финляндии, обсуждался вопрос, стоит ли включать в текст Конституции всеобщие права как конституционные права, но разработчики категорически решили, что такие права должны быть вне плоскости позитивного права²⁴.

Таким образом, сейчас каждый имеет право свободно передвигаться по земельному участку, находящемуся в чьей-то собственности, в целях сбора ягод, грибов и т. п. [см. для сравнения статью 221 ГК РФ, устанавливающую порядок обращения в собственность общедоступных для сбора вещей. — Прим. ред.]. Осуществление такого права также требует соблюдения определенных ограничений, например, вам не разрешается оставлять мусор или причинять другие неудобства собственнику. Вы также не можете нарушать границы домовладения, что, в частности, означает запрет на вход на территорию придомового сада. Всеобщие права предоставляются в том числе и иностранцам, как и все остальные основные права и свободы, за исключением политических прав. Всеобщие права, возможно, имеют подготовительное значение для финнов в направлении развития экологически ориентированного законодательства, поскольку они транслируют

²¹ См.: Rosas Allan. Perus- ja ihmisoikeudet EU-oikeudessa, in Hallberg, Pekka et al, Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSOYpro, Helsinki 2011, p. 200–205.

²² Opinion 2/13 (2014), EUCJ. Присоединение Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

²³ Lavapuro Juha. Uusi perustuslakikontrolli. SLY, Helsinki 2010, p. 21.

²⁴ Hallberg Pekka et al. Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSOYpro, Helsinki 2011, at p. 781.

ценности, которые в настоящее время актуальны: всеобщие обязанности по сохранению окружающей среды и необходимость совместных действий с этой целью.

В своей статье мне хотелось акцентировать внимание на роли института прав и свобод человека в рамках правовой системы Финляндии, однако представляется необходимым дополнить текст ремаркой о контроле над законностью действий, предпринимаемых властями. Я имею в виду не только надзор, осуществляемый канцлером юстиции, который работает непосредственно под руководством национального правительства, но также надзор за деятельностью парламентского омбудсмана, который, в свою очередь, назначается Парламентом и подотчетен ему.

Оба этих института имеют долгую историю и пользуются уважением населения. В тех случаях, когда люди считают, что органы власти поступают незаконно, они могут обратиться к канцлеру юстиции или омбудсмену Парламента соответственно. В большинстве случаев обращение будет рассмотрено, что, в свою очередь, повлечет принятие соответствующих мер. Обычно, если выявляются сферы, в которых необходимо принять меры в целях улучшения работы государственных органов и должностных лиц с обращениями граждан, канцлер юстиции или омбудсмен в рамках своих полномочий сообщают о выявленных проблемах соответствующим властям, которые внимательно относятся к таким запросам, изучают выявленные недостатки и предпринимают все возможные меры для повышения качества своей работы. Крайне редко, в исключительных случаях, при отдельных правонарушениях канцлер юстиции или омбудсмен могут инициировать уголовное преследование в отношении государственного служащего.

Следует также отметить, что неоконституционалистские тенденции прослеживаются и в этом направлении. Парламентский омбудсмен, например, видит свою роль в настоящее время в первую очередь как гаранта прав и свобод человека. Для достижения этой цели лица, осуществляющие надзор за соблюдением законности, посещают соответствующие учреждения, такие как тюрьмы, военные базы, проводят опросы заключенных и других лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, чтобы убедиться, что органы власти не допускают нарушений при осуществлении своих полномочий. Опросы в таких случаях проводятся при отсутствии представителей органов власти или таких учреждений. Все эти действия направлены на обеспечение полной ответственности властей за их действия, а также на обеспечение того, чтобы доверие к властям не было слепым, а вытекало из реального положения дел.

Заключение

Я надеюсь, что в этом кратком очерке я смог пролить некоторый свет на то, как финский правовой порядок и действующие в нем правовые акторы видят роль прав человека в структуре правовой реальности. Дело в том, что, если различные субъекты будут видеть ключевые особенности системы достаточно схожим образом, они совместно смогут развить новую культуру, в которой конституция становится более живым инструментом и в которой она играет большую роль, чем в прежние времена, но в которой также можно избежать излишеств конституционализма.

Неоконституционализм также вызвал дискуссии о том, зашла ли конституционализация права уже слишком далеко и угрожает ли это развитие роли права, каким мы привыкли его видеть с учетом его фрагментации в подотраслях уголовного, процессуального права и т. д.²⁵ В сегодняшнем зрелом конституционализме риску эксцессов (регулируемого) уделяется должное внимание, и все участники видят, что необходимо установить определенные критерии, при соблюдении которых конкретный казус станет подлинным прецедентом, касающимся прав человека или основных свобод.

С точки зрения защиты прав человека нынешняя конституционная структура предусматривает подход, сформулированный не только для судей, но и для законодателей, состоящий в том, что стандарты прав человека и основных свобод, установленные международными организациями, должны приниматься серьезно и рассматриваться в качестве механизмов обратной связи, которые способствуют, а не угрожают усилиям по созданию устойчивой правовой культуры, базирующейся на уважении к человеческой личности, ее правам и свободам.

Литература / References

1. Aarnio Aulis. The Rational as Reasonable. A Treatise on Legal Justification. Kluwer, 1986.
2. Antero Jyränki. Valtiota valtaan. Valtiosääntöoikeuden yleisiä kysymyksiä. 3. painos, Talentum, 2003, p. 393–414.

²⁵ См., например: *Lavapuro Juha*. Uusi perustuslakikontrolli. SLY, Helsinki 2010, p. 14–15.

3. *Esko Hakkila*. Suomen tasavallan perustuslait, WSOY, 1939.
4. *Hallberg Pekka* et al. Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSLT, 2005.
5. *Hallberg Pekka* et al. Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSOYpro, Helsinki, 2011.
6. *Jaakko Husa*. Constitutional Mentality, in Pia Letto-Vanamo, Ditlev Tamm, Bent Ole Mortensen (Ed.s), Nordic Law in European Context. Springer, 2019, p. 41–60.
7. *Jääskinen Niilo*. Eurooppalaistuvan oikeuden oikeusteoreettisia ongelmia. Yliopistopaino, Helsinki, 2008.
8. *Jukka Kekkonen*. Merkantilismista liberalismiin. Suomalainen lakimiesyhdistys 1987.
9. *Lavapuro Juha*. Uusi perustuslakikontrolli. SLY, Helsinki, 2010.
10. *Paavo Kastari*. Suomen valtiosääntö, SLY, 1977.
11. *Riku Neuvonen*. Sananvapauden historia Suomessa. Gaudeamus, 2018.
12. *Rosas Allan*. Perus- ja ihmisoikeudet EU-oikeudessa, in Hallberg, Pekka et al, Perusoikeudet, Oikeuden perusteokset, WSOYpro, Helsinki, 2011, p. 200–205.
13. *Veli-Pekka Viljanen*. Kansalaisten yleiset oikeudet. Tutkimus suomalaisen perusoikeuskäsityksen muotoutumisesta autonomiakaudella ja itsenäisyyden ensi vuosina. 2. uudistettu painos. Lakimiesliiton kustannus, 1988.